

МОГИЛЬНИК НА СЕМИЛУКСКОМ ГОРОДИЩЕ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

Ю. Д. Разуваев

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 19 декабря 2014 г.

Аннотация: в статье анализируются пятнадцать погребальных комплексов, известных на городище рубежа IV–III вв. до н.э. в г. Семилуки (Воронежская область). Всего в ямах и в котлованах построек были захоронены 50 полных скелетов и отдельные части еще 43 костяков, по большей части детей и подростков. Прослежены свидетельства целенаправленного обустройства мест захоронений (сооружение подбоев и перекрытий, применение очистительного костра). Охарактеризованы основные элементы погребальной обрядности (позы погребенных, сопутствующий инвентарь). Приведены доказательства более позднего подзахоронения к полным скелетам разрозненных человеческих останков. Семилукские захоронения рассматриваются как проявления специфических похоронных практик (в том числе обряда выставления трупов) оседлого населения донской лесостепи.

Ключевые слова: лесостепное Подонье, скифская эпоха, городище, захоронения, человеческие останки.

Abstract: in article fifteen funeral complexes known on the hillfort of a boundary of the IV–III centuries BC in are analyzed by Semiluki town (Voronezh region). In total in holes and in ditches of constructions 50 full skeletons and separate parts of 43 more skeletons, mostly, of children and teenagers were buried. The evidence of purposeful arrangement of places of burials (a construction of a lining and overlappings, application of a cleaning fire) are tracked. Basic elements of funeral ceremonialism are characterized (poses buried, the accompanying stock). Proofs of later subburial are provided to full skeletons of separate human remains. Semiluksky burials are considered as manifestation specific funeral the practician (including a ceremony of exposure of corpses) settled population of the Don forest-steppe.

Key words: Forest-steppe Don region, Scythian epoch, hillfort, human remains.

Благодаря многолетним раскопкам, проводившимся экспедицией Воронежского государственного университета под руководством А. Д. Пряхина, а затем М. В. Цыбина, расположенное в г. Семилуки городище (рис. 1, 1) вошло в число наиболее значимых памятников скифской эпохи лесостепного Подонья. Во многом этому способствовало многообразие полученных здесь материалов IV–III вв. до н.э. хозяйственно-бытового и военного назначения [1], но в большей степени – неординарность обнаруженных на городище четырнадцати¹ погребальных комплексов [3; 4]. Среди жилых и хозяйственных сооружений скифского времени были выявлены коллективные и одиночные захоронения детей и взрослых, часто сопровождавшиеся разрозненными частями человеческих скелетов (рис. 1, 2; 2). В одном из строительных котлованов, необычном по форме, встречены скопления костей людей и животных. Отдельные человеческие кости залежали в слое и в шести хозяйственных ямах.

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 12-01-00094.

¹ Еще два захоронения были выявлены в 1927 г., но информация о них не полна [2, л. 12–13].

© Разуваев Ю. Д., 2015

По поводу интерпретации массовых погребений единой точки зрения нет. Согласно одной теории, захоронения совершены в соответствии с неординарной похоронной практикой оседлого лесостепного населения, применявшейся в случае специфичных обстоятельств смерти соплеменников [5]. По другой версии это случайное явление, результат спешного (без соблюдения, либо с сокращением ритуальных предписаний) погребения людей, погибших в военном столкновении [6, с. 145–152].

Появление практически взаимоисключающих суждений стало возможным из-за серьезных информационных пробелов как в характеристике самих погребений, так и в исторической оценке городища. В частности, неясными были хронологическое соотношение в комплексах полных костяков и разрозненных останков, номенклатура сопутствующего инвентаря, обстоятельства разрушения городищенских укреплений. Поиск ответов на эти вопросы стал целью новых раскопок памятника, недавно предпринятых автором статьи. В 2012 г. удалось проследить историю фортификаций городища [7], а в 2014 г. – выявить еще один погребальный комплекс².

² Статья с полной публикацией этого погребения выйдет в «Кратких сообщениях Института археологии».

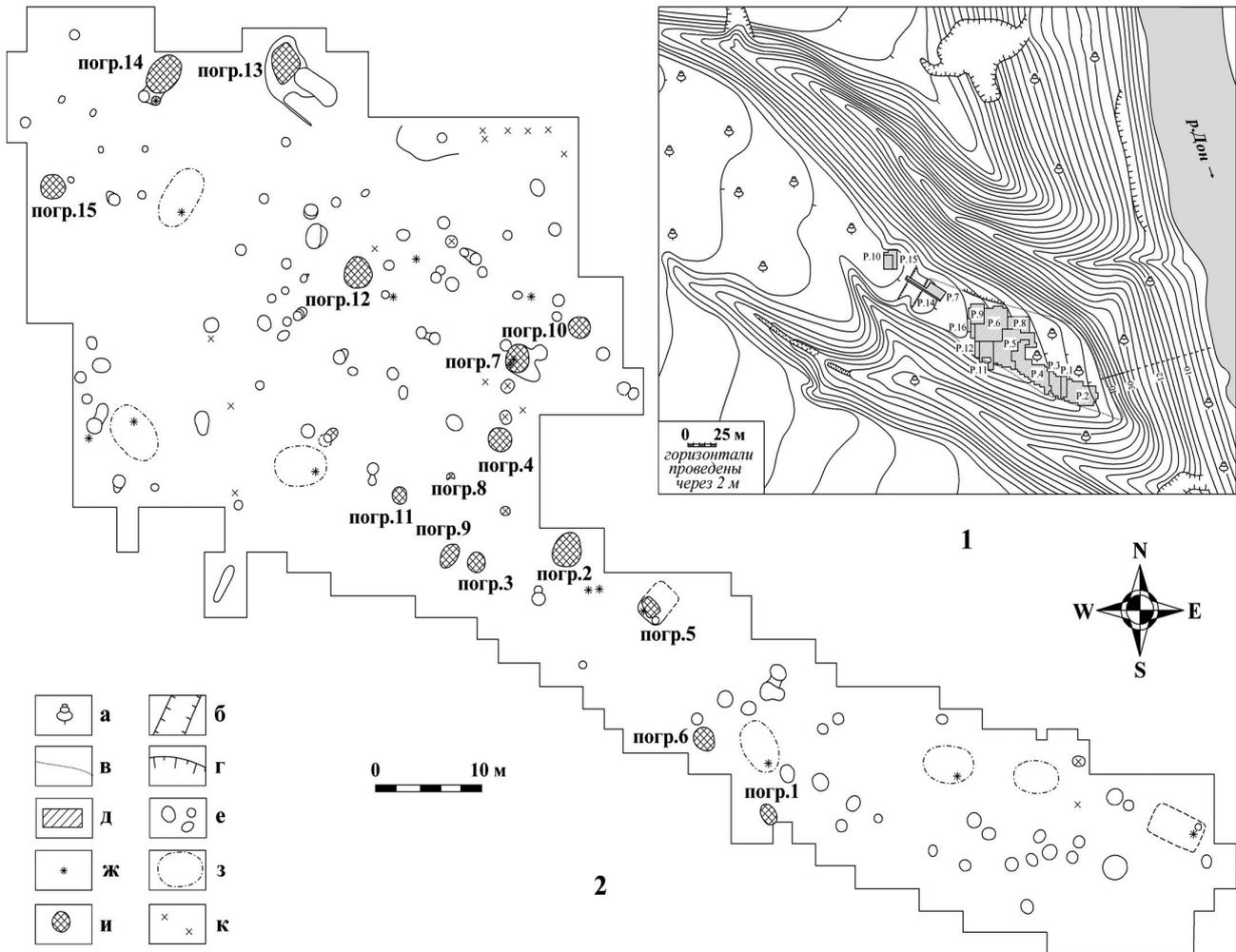

Рис. 1. Семилукское городище:

1 – план памятника, 2 – план раскопов с комплексами скифского времени; а – деревья, б – ров, в – граница площадки городища, г – обнажение слоя, д – раскоп, е – ямы, ж – очаг, з – предполагаемая наземная постройка, и – погребение, к – отдельные человеческие кости

В процессе вскрытия нового, пятнадцатого по счету, погребения довелось лишний раз убедиться в закономерном характере некоторых наблюдавшихся ранее явлений. В погребении № 15, на дне овальной ямы с подбоями в стенках, полукругом лежали скелеты мужчины 45–50 лет и трех детей возрастом от 3 до 10 лет, сопровождавшиеся несколькими крупными костями животных (рис. 2, 5). В центре ямы располагались остатки кострища со скоплением обломков преднамеренно разбитых лепных миски и горшка. Кострище и фрагменты керамики, судя по их состоянию, в яме оказались уже после размещения умерших людей, поскольку в противном случае, в условиях весьма ограниченного пространства, были бы раздавлены и растащены по всему дну. Это наблюдение важно для трактовки подобных находок и в других погребениях. Вверху заполнения ямы, в раскопе с включениями слегка прокаленной почвы, находился череп пятилетнего ребенка (без нижней че-

люсти) вместе с многочисленными костями животных. По стратиграфии было прослежено, что это более позднее подзахоронение. Тем самым удалось определить с происхождением разрозненных человеческих останков и в других комплексах.

Добытые новыми полевыми изысканиями данные в совокупности с итогами новейших антропологических исследований побудили вернуться к характеристике погребальной обрядности семилукских захоронений.

В погребальных целях на городище были использованы десять ям округлых или подпрямоугольных очертаний (рис. 2, 1–5), а также пять более крупных котлованов построек (рис. 2, 6). Надо полагать, изначально эти сооружения либо большинство из них входили в застройку поселка. Показательно, что среди хозяйственных ям, каковых на городище выявлено свыше 100, есть схожие с погребальными формой и размерами (имеются в виду верхние параметры, о

нижних речь ниже). Типичная для заполнения объектов хозяйственного назначения прослойка почвы толщиной 0,1 м залегала под костяками в погребениях 9. В постройках с погребениями 5 и 14 имелись очаги, очевидно, указывающие на изначально жилой

характер этих сооружений. Вместе с тем, котлован со скоплениями человеческих черепов и костей животных (погребение 13) выделяется своеобразной формой, что наводит на мысль о специально возведенной культовой постройке.

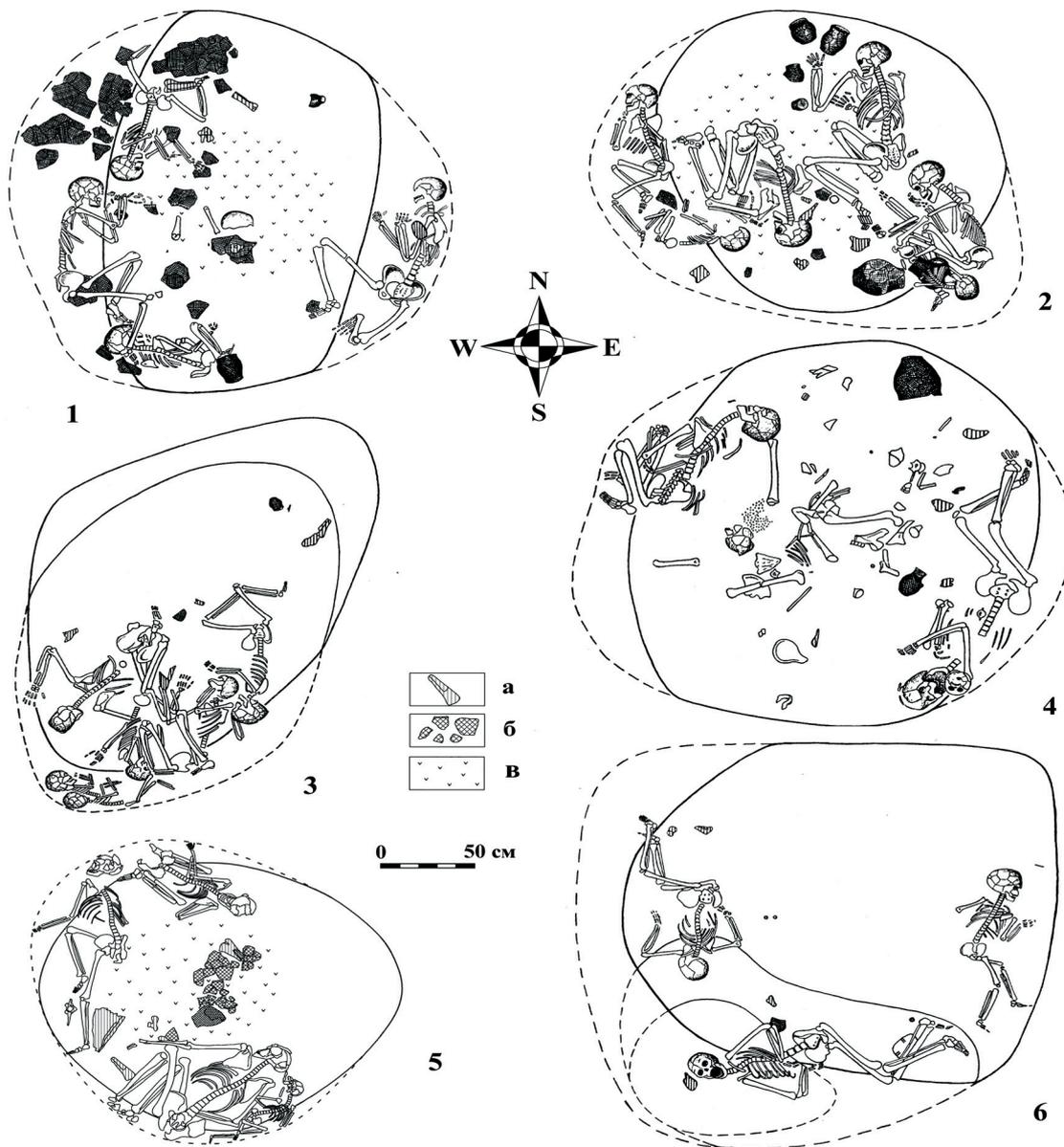

Рис. 2. Погребения в ямах (1–5) и в котловане постройки (6):
1 – № 4, 2 – № 6, 3 – № 9, 4 – № 10, 5 – № 15, 6 – № 7

Даже если строительные котлованы уже существовали, то для захоронений они все же готовились. В стенках десяти из них были сделаны один-два подбоя, причем, что характерно, только в местах будущего размещения костяков³. За счет этого площадь

³ К моменту раскопок подбой запылили глиной, и можно было бы усомниться в их наличии, объяснив сложившуюся стратиграфическую ситуацию результатом оплыва стенок ям. Однако такое умозаключение не согласуется с отмеченной взаимосвязью костяков и подбоев, а также с отсутствием последних в других стенках.

дна расширялась на 15–30 %, и по этому показателю ямы с погребениями уже заметно отличаются от большинства хозяйственных комплексов (рис. 3, 1). По меньшей мере, в пяти ямах (погребения 1, 4, 6, 12, 15) прослежены остатки «очистительного» костра в виде углистых прослоек на дне. На возможное предварительное планирование похоронного процесса указывает, вроде бы, просматривающаяся корреляция между площадью сооружений и количеством размещенных в них костяков (рис. 3, 2). Надо полагать, в

могильную конструкцию входило и перекрытие. Косвенные подтверждения этому есть: завалившиеся набок ноги костяков, сместившиеся нижние челюсти черепов, раздавленные рухнувшей землей кости и сосуды.

Всего в рассматриваемых погребениях были захоронены 50 полных (в двух случаях сильно разрушенных) скелетов и отдельные части еще 43 костяков (табл. 1). Последние размещались в одиннадцати⁴

комплексах вместе с полными скелетами и лишь в одном – отдельно.

Половозрастные характеристики⁵ человеческих останков (рис. 4) демонстрируют общее преобладание детей и подростков. Среди полных скелетов эти возрастные группы составляют 64 %. В основном, это дети от 1 года до 10 лет (58 %). В то же время, взрослых людей (старше 20 лет) почти половина в числе индивидов, представленных разрозненными частями костяков.

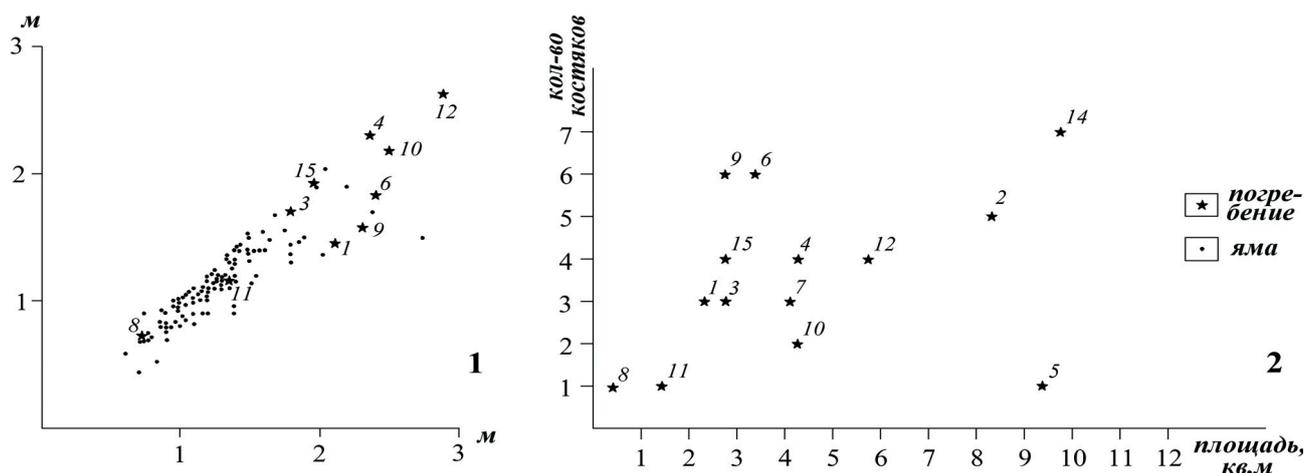

Рис. 3. Корреляционные графики:

1 – соотношение максимальных размеров ям (по основанию), 2 – соотношение площади ям (по основанию) и количества размещенных в них костяков

Таблица 1

Количество индивидов в захоронениях на Семилукском городище

№ погребального комплекса	Полные скелеты		Части костяков	
	взрослые	дети и подростки	взрослые	дети и подростки
1	3	–	1	–
2	1	4	2	5
3	2	1	1	1
4	2	2	1	2
5	1	–	2	–
6	2	4	–	–
7	1	2	1	–
8	1	–	–	–
9	2	4	1	–
10	2	–	1	1
11	–	1	–	–
12	–	4	3	5
13	–	–	6	7
14	–	7	–	1
15	1	3	–	1
Всего	18	32	19	23

Примечание: возраст одного индивида в погребении 13 не определен.

Нет никаких сомнений, что на городище были похоронены его же обитатели. Исследование костных останков показало, с большой долей вероятности, наличие в семилукской популяции тесных кровно-

родственных связей [8, с. 153]. Косвенно на единство группы могут указывать многочисленные случаи

⁴ В погребениях 9 и 14 подзахоронения археологически не зафиксированы. Неучтенные кости были выявлены впоследствии антропологами, поэтому в данных случаях нельзя исключать технической накладки.

⁵ Ранее опубликованные предварительные определения антропологических материалов, выполненные Т. В. Томашевич, теперь существенно уточнены и дополнены Е. А. Шепель (погребения 1–10), М. В. Добровольской (погребения 11–14), Р. А. Тюриным (погребение 15). Пользуясь случаем, автор еще раз выражает коллегам свою признательность.

искусственной деформации взрослых и детских черепов [8, с. 150–151]. В результате антропологических исследований удалось получить и некоторое представление об образе жизни местной оседло-земледельческой общины [9, с. 48–49; 10, с. 162].

Одиночные захоронения имелись в трех комплексах (впрочем, в погребении 5 частично разрушенный костяк сопровождался разрозненными костями еще

двух индивидов), в остальных были похоронены от трех до семи человек. Причем каждое из коллективных погребений возникло одновременно. В этом не приходится сомневаться: отмечено 16 случаев частичного наложения костяков, остававшихся при этом не потревоженными (см. рис. 2, 1, 2, 3, 5). Также и у скелетов, лежавших вплотную друг к другу, кости не были смещены.

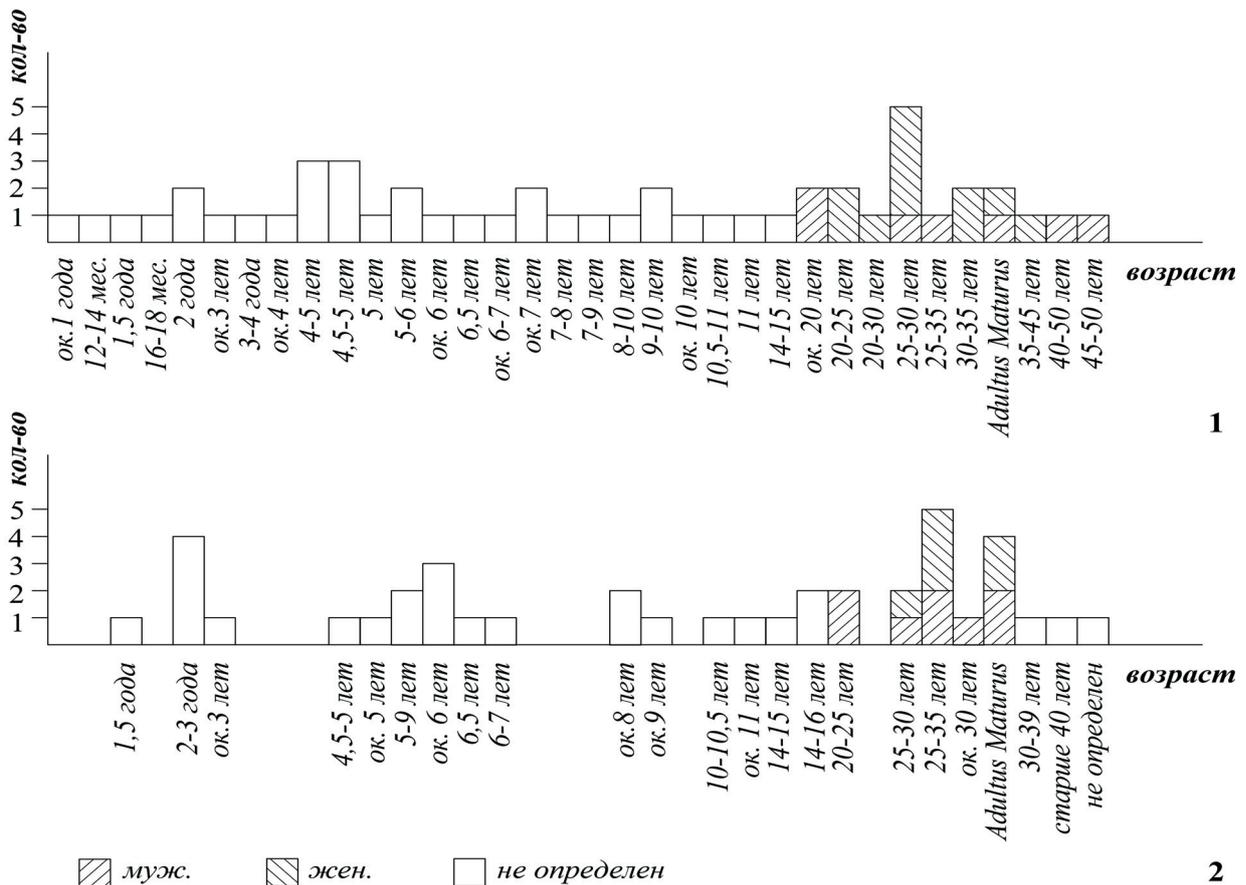

Рис. 4. Половозрастные характеристики захороненных на Семилукском городище людей: 1 – полные костяки, 2 – разрозненные части скелетов

Прослеживаются три способа размещения умерших людей в ямах и постройках: чаще всего, вдоль стенок по кругу (см. рис. 2, 1, 4–6), равномерно по всей площади дна (см. рис. 2, 2), в какой-то части котлована, иногда поверх других покойников (см. рис. 2, 3). Более половины костяков лежали в подбоях, впрочем, обычно туда заходила лишь некоторая часть скелета.

Ориентировка похороненных людей весьма разнообразна. По-видимому, она определялась местоположением умерших в погребении, в частности, при круговом размещении. Но несомненно, имело значение и соседство с другими погребенными. Так, в трех комплексах (погребения 2, 9, 12) отмечено парное положение детских костяков (см. рис. 2, 3), в погребении 15 пару составляли взрослый мужчина и ребенок (см. рис. 2, 5), а в погребении 14 две детские пары

располагались в противоположной ориентировке («валетом»). Еще в нескольких случаях можно предполагать намеренно антитезное размещение погребаемых (см. рис. 2, 1–3).

Позы, в которых лежали умершие люди, впечатляют кажущимся разнообразием (рис. 5). Действительно, в этом отношении семилукские захоронения отличаются и от курганных, и от грунтовых могильников скифской эпохи с их стандартно-вытянутым на спине положением покойников. Однако на самом деле нетрудно заметить, что разнообразным, прежде всего, было положение конечностей. Половина взрослых и детей лежала скорченно на левом или правом боку, иногда с разворотом на грудь (см. рис. 2, 1–5). Если к ним добавить еще и располагавшихся ничком (рис. 2, 3, 5, 6), а также на спине (см. рис. 2, 1, 4) или на боку (см. рис. 2, 1–3, 5, 6), но с подогнутыми ногами,

то получится, что скорченность присуща подавляющему большинству погребенных.

На пяти черепаха, происходящих из трех погребений, выявлены следы посмертной трепанации, причем, один фрагмент теменной кости был обработан, возможно, с целью изготовления амулета [8, с. 148]. Такого рода манипуляции с черепами умерших соплеменников известны у многих народов древности

[11, с. 131–135]. В нашем распоряжении пока немного сравнительного материала по антропологии оседлого населения донской лесостепи, но стоит отметить факт посмертного повреждения лобной кости десятилетнего ребенка, похороненного на грунтовом могильнике у с. Ксизово [10, с. 157]. Тем самым не исключено, что трепанация имела ритуальный характер и являлась одним из элементов погребальной обрядности скифской эпохи.

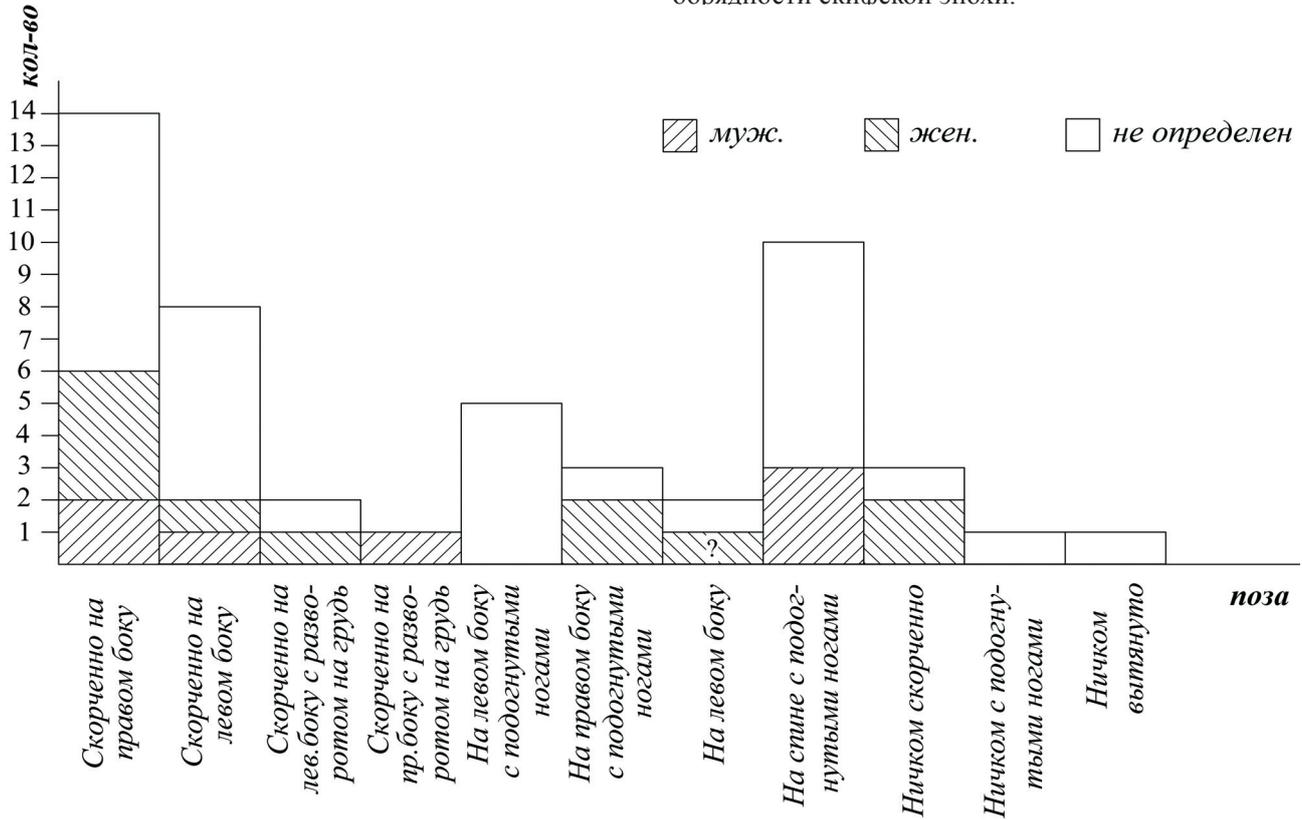

Рис. 5. Позы захороненных на Семилукском городище людей

Отдельно следует остановиться на вопросе об инвентаре семилукских погребений. Непосредственно при костях размещались лишь несколько личных украшений. Это два бронзовых височных кольца, бронзовая серьга с пастовой бусиной, две костяные пронизи, две пастовые бусины и два костяных амулета-астрагала. Однако к сопровождавшим похороненных людей предметам относятся и многие другие находки. Прежде всего речь идет о лепной глиняной посуде. Почти во всех комплексах были обнаружены развалы, либо крупные части горшков (преимущественно), мисок и кувшинов. Кухонные и столовые сосуды, зачастую преднамеренно разбитые, играли существенную роль в семилукском похоронном ритуале. Особенно примечательны два случая их использования. В погребении 4 ребенок 4–4,5 лет лежал на спине с подогнутыми ногами среди обломков большого горшка, которыми в этом месте почти сплошь было устлано дно ямы (см. рис. 2, 1). В пог-

ребении 6 тело ребенка 7–8 лет было расчленено в области поясницы и уложено на правый бок скорченно таким образом, что обе части примыкали к горловине одноручного кувшина (см. рис. 2, 2).

Нередко на дне погребений встречались кости животных или их обломки. В погребении 15 было зафиксировано несколько случаев их сочлененности. Таким образом, в этих находках следует видеть не бытовой мусор, а остатки сопроводительной пищи.

Датировка семилукских погребений основана на хронологии самого городища: материалы из слоя, хозяйственных ям и погребальных комплексов, в целом, однородны. Проведенное недавно сопоставление форм кухонных сосудов из ям бытового и погребального назначения показало высокую степень их сходства [12]. Надо полагать, погребения следует соотносить с рубежом IV–III вв. до н.э. – основной датой памятника, определенной по фрагментам ан-

точной керамики [1, с. 66]. В целом, не противоречат этому выводу и две даты, полученные в лаборатории радиоуглеродного датирования Института географии РАН, впрочем, охватывающие гораздо больший временной интервал (табл. 2).

Уже во время раскопок априори был принят тезис о одновременности всех выявленных захоронений, массовость которых наводила на мысль о внезапном прекращении жизни поселения.

Т а б л и ц а 2

Результаты радиоуглеродного датирования посткраниальных останков с Семилукского городища

Лаб. № ИГАН	Описание и местонахождение образца	Материал	Радиоуглеродный возраст (BP – лет назад)	Интервал калиброванного возраста на 1 σ : Cal BC – лет до н.э., Cal AD – год н.э. [начало: конец] вероятность
3778	Семилукское городище, погребение 12, центр	коллаген	2150 \pm 110	[358 BC:278 BC] 0,299583 [258 BC:241 BC] 0,05592 [236 BC:87 BC] 0,564244 [78 BC:55 BC] 0,080253
3779	Семилукское городище, погребение 13, яма Ш	коллаген	2110 \pm 100	[352 BC:295 BC] 0,18416 [229 BC:220 BC] 0,023265 [211 BC:36 BC] 0,731025 [31 BC:20 BC] 0,028994 [12 BC:1 BC] 0,032556

На городище найдено довольно много наконечников стрел, два наконечника копья, детали конского снаряжения – недвусмысленные свидетельства вооруженного конфликта. Раскопками 2012 г. выявлены следы двух штурмов оборонительных линий городища [7]. После первого (по радиоуглероду датируется в рамках середины IV–III вв. до н.э.) внешние вал и ров были полностью срыты, а на месте внутренних укреплений возведены новые фортификации, впоследствии также подвергшиеся нападению.

Стали ли эти события причиной появления массовых захоронений на городище? На трех черепаха (двух детских) обнаружены травматические повреждения [13, с. 84], но этого явно мало для доказательства насильственной смерти всех погребенных на городище. Впрочем, нет никаких подтверждений их гибели от эпидемии – выдвигалась и такая гипотеза [5, с. 255]. Пока любые предположения насчет причин возникновения семилукского могильника выглядят малообоснованными.

Тем не менее упрощенная, сугубо утилитарная, его трактовка как поспешного захоронения десятков людей не согласуется с фактическими данными. В комплексах выявлены отчетливые свидетельства постпогребальных действий. Так, в котловане постройки, содержащей погребение 7, зафиксированы три слоя заполнения, перекрытых сверху кострищами, вокруг которых располагались человеческий череп, части скелета собаки и кости других животных, заполненное мелом днище сосуда. По меньшей мере в десяти погребальных комплексах (рис. 2, 1, 4) совершались подзахоронения разрозненных человеческих останков, нередко с применением огня. Это, несомнен-

но, происходило спустя несколько лет после основных похорон, что видно и по стратиграфии погребения 15, и по состоянию некоторых человеческих костей, обгоревших уже после утраты мягких тканей [13, с. 84]. Таким образом, погребения оставались в сфере внимания сородичей достаточно продолжительное время и, следовательно, воспринимались ими как вполне закономерное явление. Сознательное пренебрежение погребальной традицией было немыслимо для первобытного общества [14, с. 31–32].

Отдельные человеческие кости попадались в культурном слое городища, а также были найдены в шести хозяйственных ямах, в двух из которых (№ 47 и 78) – среди большого количества костей животных. Любопытно, что бедренная кость женщины была обнаружена на дне внешнего рва, засыпанного еще в древности [7, с. 206]. Следовательно, разрозненные останки людей появлялись на территории поселка задолго до прекращения его функционирования.

Таким образом, история накопления на городище антропологических материалов, в целом, была достаточно длительной. В силу, а также с учетом незначительного расхождения в имеющихся радиоуглеродных датировках, синхронность захоронений полных костяков видится теперь не столь очевидной, хотя и остается более предпочтительной.

Феномен семилукских захоронений невозможно понять вне контекста скифоидных древностей всей днепродонской лесостепи. Сейчас известно более 40 городищ и поселений, на которых обнаружены человеческие останки [15]. В нескольких случаях это были захоронения детей и взрослых в жилищах и хозяйственных ямах. Довольно много (порядка 30)

памятников, в строительных сооружениях и в слое которых встречены отдельные человеческие кости. Нередко это были черепа, находимые в жилищах, при жертвенниках, в составе скоплений костей животных, фрагментов керамики и других материалов, имевших явно культовое назначение. Чаще всего антропологические остатки представлены на поселениях обломками черепов и частями посткраниального скелета (изредка в сочленении, иногда раздробленных) в заполнении строительных котлованов, в насыпях зольников, в культурном слое.

Данные находки исследователи интерпретировали как последствия военных конфликтов [6, с. 84; 16, с. 178–179; 17, с. 78; 18, с. 51], как свидетельства человеческих жертвоприношений [19, с. 8; 20, с. 152; 21, с. 101; 22], а нередко, как проявления андрофагии [22, с. 10; 23, с. 85; 24, с. 154; 25, с. 228]. Однако все эти суждения относятся к разряду умозрительных, поскольку не опираются на необходимую сумму доказательств. Тем самым, их использование в оценке семилукских захоронений малопродуктивно. Более того, анализируемые погребения заставляют по-новому взглянуть на все соответствующие поселенческие материалы, попытаться рассмотреть в них проявления похоронных обрядов.

По основным своим характеристикам (обустройство места захоронения, придание телу определенной позы, наличие погребального инвентаря и заупокойной пищи, применение ритуального костра) семилукские погребения с полными костяками вполне соответствуют статусу могильника, обладающего набором вполне выраженных элементов погребальной обрядности, хотя и неординарной для скифской эпохи. Другое дело – разрозненные останки людей, которые, очевидно, иллюстрируют иную погребальную традицию. Сам набор, состояние и местоположение костных остатков на Семилукском городище предположительно могут быть объяснены наличием обряда выставления трупов [5, с. 256]. Многочисленные находки разрозненных костей на других памятниках, как будто, подтверждают распространение такого рода похоронной практики по всей скифской лесостепи [15]⁶. Археологически проследить ее весьма сложно. Тем не менее в этом плане достаточно красноречивы следы зубов собаки или волка, нередко замеченные на человеческих костях [27, с. 83–84; 28, с. 150, 152, 158]. Во многих случаях останки явно собирались и целенаправленно помещались в жертвенные комплексы, а также родзахоранивались в уже существующие погребения.

Разумеется, признавая закономерный характер семилукских захоронений, нельзя пока назвать их

типичными – в лесостепном Подонье точных аналогий нет (впрочем, в будущем ситуация может и измениться). Но разрозненные человеческие кости встречены в слое городищ у хут. Мостище [21, с. 101], с. Пекшево [6, с. 84] и с. Устье [29, с. 360]. Найдены они и в ритуальной (?) яме на территории грунтового могильника у с. Ксизово [30, с. 192]. Человеческие черепа входили в состав жертвенных комплексов на Кировском городище [31, с. 79] и поселении-3 у с. Подгорное [32, л. 49]. Исходя из этих находок, можно предположить, что предполагаемый обряд труповыставлений имеет в регионе уже довольно много материальных следов. Впрочем, достаточно распространенной у обитателей среднедонских городищ и поселений была и практика похорон в грунтовых могильниках традиционного облика [33]. Тем самым имеющиеся факты демонстрируют многообразие погребальных традиций оседло-земледельческого населения донской лесостепи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пряхин А. Д.* Семилукское городище позднескифского времени на р.Дон (основные результаты раскопок 1984–1993 гг.) / А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев // Археологические памятники Среднего Поочья. – Рязань : НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры, 1995. – С. 43–68.
2. *Олейников Т. М.* Отчет об археологических разведках, произведенных летом 1927 г. заведующим историческим отделом Воронежского государственного музея Олейниковым Т. М. / Т. М. Олейников // Архив ИИМК РАН. – Ф. 2. – № 208.
3. *Пряхин А. Д.* Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1986 г.) / А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. – Рязань : НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры, 1993. – С. 74–94.
4. *Пряхин А. Д.* Погребения на Семилукском городище позднескифского времени (раскопки 1987–1990 гг.) / А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев // Древние памятники Окского бассейна. – Рязань : НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры, 1993. – С. 13–30.
5. *Пряхин А. Д.* К интерпретации захоронений на Семилукском городище скифского времени / А. Д. Пряхин, Ю. Д. Разуваев // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э. : палеоэкология, антропология и археология. – М. : ИА РАН, 2000. – С. 249–257.
6. *Медведев А. П.* Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. / А. П. Медведев. – М. : Наука, 1999. – 160 с.
7. *Разуваев Ю. Д.* Результаты исследований оборонительных сооружений Семилукского городища в 2012 г. / Ю. Д. Разуваев // Восточноевропейские древности (Вестник Острогжского историко-художествен-

⁶ К аналогичному выводу недавно пришел Д. С. Гречко [26].

- ного музея им. И. Н. Крамского. – Вып. 3). – Воронеж : Научная книга, 2013. – С. 196–211.
8. *Шепель Е. А.* Население Семилуцкого городища скифского времени (по антропологическим материалам) / Е. А. Шепель // Археологические памятники Восточной Европы. – Воронеж : ВГПУ, 2002. – С. 145–156.
9. *Козловская М. В.* Об образе жизни среднедонского населения скифского времени) / М. В. Козловская // Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э. : палеоэкология, антропология и археология. – М. : ИА РАН, 2000. – С. 45–50.
10. *Решетова И. К.* Новые антропологические источники в изучении скифоидного населения Среднего и Верхнего Подонья / И. К. Решетова, М. В. Добровольская // Восточноевропейские древности (Вестник Острогского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. – Вып. 2). – Воронеж : Научная книга, 2012. – С. 154–164.
11. *Медникова М. Б.* Трепанации у древних народов Евразии / М. Б. Медникова. – М. : Научный мир, 2001. – 304 с.
12. *Разуваев Ю. Д.* Керамика из бытовых и погребальных комплексов Семилуцкого городища скифского времени / Ю. Д. Разуваев // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой) (Материалы и исследования по археологии Днепровского левобережья. – Вып. IV). – Курск : Курская городская типография, 2012. – С. 142–154.
13. *Добровольская М. В.* К антропологии населения Среднего Дона в скифское время / М. В. Добровольская // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху : Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003. – М. : ИА РАН, 2004. – С. 81–85.
14. *Байбурин А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. – СПб. : Наука, 1993. – 240 с.
15. *Разуваев Ю. Д.* О захоронениях и останках людей на поселениях Лесостепной Скифии / Ю. Д. Разуваев // Труды IV Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань : Отечество, 2014. – Т. II. – С. 159–162.
16. *Радзиевская В. Е.* Основные итоги раскопок Коломацкого городища / В. Е. Радзиевская // История и археология Слободской Украины : тез. докл. и сообщ. всеукр. конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда. – Харьков : Харьковский госуниверситет, 1992. – С. 177–179.
17. *Фіалко О. Є.* Напад скіфів на Трахтемирівське городище / О. Є. Фіалко, Ю. В. Болтрик. – Київ : ИА НАНУ, 2003. – 152 с.
18. *Хавлюк П. І.* Пізньоскіфське селище Сорока / П. І. Хавлюк // Археологія. – 1979. – Вып. 29. – С. 34–54.
19. *Бессонова С. С.* Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988–1996 гг.) / С. С. Бессонова, С. А. Скорый. – Киев ; Краков : ИА НАНУ, 2001. – 242 с.
20. *Гавриш П. Я.* Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Прип'їлля) / П. Я. Гавриш. – Полтава : Археологія, 2000. – 232 с.
21. *Синюк А. Т.* Мостищенский комплекс древних памятников (эпоха бронзы – ранний железный век) / А. Т. Синюк, В. Д. Березуцкий. – Воронеж : ВГПУ, 2001. – 192 с.
22. *Білозор В. П.* Про жертвенники з людськими черепами в ур.Царина на Більському городищі / В. П. Білозор // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології (Матеріали міжнародної наукової конференції). – Київ : Карвін прес, 2004. – С. 9–10.
23. *Андриенко В. П.* О материалах последнего этапа существования поселения Пожарная Балка II / В. П. Андриенко // История и археология Слободской Украины : тез. докл. и сообщ. всеукр. конф., посвящ. 90-летию XII Археологического съезда. – Харьков : Харьковский госуниверситет, 1992. – С. 84–86.
24. *Шрамко Б. А.* Поселения скіфського часу в басейні Дінця / Б. А. Шрамко // Археологія. – 1962. – Т. XIV. – С. 135–155.
25. *Шрамко И. Б.* Археозоологические материалы с поселения скифского времени у с. Барчаны / И. Б. Шрамко, В. Л. Бондаренко, С. А. Задников // Археологическое изучение Центральной России : тез. межд. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В. П. Левенка. – Липецк : ЛГПУ, 2006. – С. 227–229.
26. *Гречко Д. С.* Об одном из способов погребения у земледельцев восточноевропейской лесостепи скифского времени / Д. С. Гречко // Восточноевропейские древности (Вестник Острогского историко-художественного музея им. И. Н. Крамского. – Вып. 2). – Воронеж : Научная книга, 2012. – С. 118–124.
27. *Козак А. Д.* Предварительные результаты антропологического исследования костного материала из раскопок на Бельском городище и его округе в 2005 году / А. Д. Козак // Махортых С. В. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции у с. Бельск Котелевского района Полтавской области в 2005 г. / С. В. Махортых [и др.]. – Киев : ИА НАНУ, 2006. – С. 82–91.
28. *Скорый С.* Селище в урочище Лисовый Кут на Большом укреплении Бельского городища (материалы раскопок 1999–2001 и 2004 гг.) / С. Скорый // Revista Arheologică. Serie nouă. – 2008. – Vol. IV. – Nr. 1. – P. 146–179.
29. *Меркулов А. Н.* Городище скифского времени у с. Устье на Верхнем Дону (исследования 2013 г.) / А. Н. Меркулов // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк : ЛГПУ, 2014. – Вып. 6. – С. 359–364.
30. *Обломский А. М.* Грунтовые погребения скифского времени у с. Ксизово на Верхнем Дону / А. М. Обломский, Ю. Д. Разуваев // КСИА. – 2013. – Вып. 231. – С. 183–195.
31. *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона / А. И. Пузикова // МИА. – 1969. – № 151. – С. 41–81.

32. *Либеров П. Д.* Отчет о работе Воронежского отряда лесостепной экспедиции ИИМК АН СССР в 1958 г. / П. Д. Либеров // Архив ИА РАН. – Р-1. – № 1726.

33. *Разуваев Ю. Д.* О грунтовых могильниках скифского времени в донской лесостепи / Ю. Д. Разуваев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Социология. Политология. – 2014. – Вып. 2. – С. 103–111.

Список сокращений

ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет

Воронежский государственный педагогический университет

*Разуваев Ю. Д., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
E-mail: razuvaevyd@mail.ru
Тел.: 8 (473) 255-06-67*

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

Voronezh Pedagogical State University

Razuvaev Yu. D., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the History of Russia Department

E-mail: razuvaevyd@mail.ru

Tel.: 8 (473) 255-06-67